

(ПП: глава называется □□□□ (нини вайвай), что относится к каким-то интимным вещам между влюбленными и произнесению ласковых слов, флирту. Типа муси-пуси)

Бай Е действовал стремительно: сам он еще покачивался в экипаже, а послание уже было передано.

Чжао Дэ, получив записку, прочитал ее, затем сжег и направился к Чжао Сину. Последние дни его жизнь складывалась не лучшим образом, и он часто навещал Чжао Сина. Привратники, привыкшие к его частым визитам, даже не затрудняли себя сообщением о его приходе, сразу пропуская его внутрь.

Чжао Дэ, умело приукрашивая события, рассказал о деле Сы Наня и Тан Сюаня. Чжао Син, захваченный интригой, мгновенно оживился. Подстрекаемый Чжао Дэ, он тут же переоделся и, вскочив на коня, отправился к воротам Сюаньдэ.

Пересекая ворота, он был вынужден спешиться и продолжить путь пешком. Длинный путь дал ему время на размышления. Внезапно в голове всплыли слова предостережения, брошенные ему Тан Сюанем.

«Чжао Дэ так близок ко мне... Неужели у него есть скрытые мотивы? — думал он. — Может, он всегда использовал меня как орудие?»

Величественные стены дворца внезапно вызвали в его памяти почти забытые эпизоды, выстраиваясь в ясную и тревожную картину.

Его шаги становились все медленнее и медленнее.

Провожжающий его евнух осторожно поинтересовался:

— Господин, все ли в порядке?

Чжао Син внезапно остановился и твердо заявил:

— Вдруг вспомнил, что в управе у меня срочное дело, и я не могу явиться в зал Вэньдэ к императору. Простите за напрасные хлопоты.

— Господин, не стоит извиняться, — евнух поклонился, приятно удивленный. Этот человек, рассчитывавший когда-нибудь стать наследным принцем, всегда смотрел на всех свысока, даже главного евнуха Чжан Маоцзэ не удостоивал уважения. А теперь он извиняется перед простым служащим? Что за чудеса!

Тем временем Чжао Син на полпути осознал, что не желает быть рупором для Чжао Дэ. Да какая ему разница, если Сы Наня и Тан Сюаня связывает нечто большее? Наоборот, он был бы рад, если бы Тан Сюань действительно предпочитал мужчин — тогда у него был бы повод в будущем подшучивать над ним!

Бай Е подготовил запасной план.

Когда Чжао Син не оправдал ожиданий, была запущена другая линия интриг. Императрица, услышав от юной служанки, что Тан Сюань за пределами дворца замешан в недвусмысленных отношениях с женщиной, была крайне возмущена. Почувствовав позор, она с гневом направилась в зал Фунин, где застала Чжао Чжэнь за трапезой. Ему пришлось прервать еду и выслушать ее тираду о долге, морали и приличиях.

На самом деле императрицу совершенно не волновало, какие предпочтения были у Тан Сюаня. Ее заботила только репутация императорской семьи. Раз уж Тан Сюань формально считался приемным сыном императора, он не имел права порочить имя рода.

Чжао Чжэнь, стараясь сохранить мир, всячески защищал Тан Сюаня, убеждая императрицу успокоиться. Лишь когда она удалилась, его лицо омрачилось.

— Скажи, — сказал он, — Слухи, что ходят по городу, могут быть правдой?

В огромном зале дворца Фунин присутствовал только Чжан Маоцзэ, исполняя свои обязанности. Этот всегда осторожный евнух помолчал некоторое время, прежде чем сказать:

— Ваше Величество лично видел, каким человеком является молодой господин семьи Сы. По моему мнению, несмотря на его юный возраст, он обладает твердым характером и здравым рассудком. Едва ли он тот, кто ради богатства готов на все.

Чжао Чжэнь тяжело вздохнул:

— Я, конечно, знаю. Он даже должность чиновника не считает важной, как же он может согласиться стать... кем-то вроде...

Это слово звучало так неприятно, что император даже не решился его произнести.

— Но, увы, людская молва страшна. Я не могу позволить людям с недобрыми намерениями разрушить жизнь Сюань-эра.

Все вокруг были уверены, что император лишь ждет, чтобы у Тан Сюаня не осталось наследников, дабы вернуть под контроль верность армии семьи Тан. Десятилетия назад, возможно, такие мысли у него действительно были. Однако человеческое сердце способно измениться. Годы, которые он провел, лично растя Тан Сюаня, обращаясь с ним как с родным

сыном, изменили его. Теперь он лишь надеялся, что Сюань-эр женится, заведет семью и будет жить спокойно. Все остальное стало неважным.

— Передай мой указ: в этот раз, на Праздник Середины Осени, пусть Цзунши, возвращаясь в столицу, привезет с собой Юнъань, — голос Чжао Чжэня звучал немного устало.

Чжан Маоцзэ почтительно склонился и ответил:

— Как пожелаете.

Император с облегчением улыбнулся:

— Юнъань с детства любила следовать за Сюань-эром, а он относится к ней совсем иначе, чем к другим.

Чжан Маоцзэ слегка дернул уголком рта. Вы уверены?

Когда-то эти двое так поссорились, что дело дошло до драки, и именно вы тогда вмешались, чтобы их разнять.

Но Чжао Чжэнь, как будто не замечая, продолжал успокаивать себя:

— Во время великого банкета в честь Середины Осени пусть дети больше времени проведут вместе. Если все пройдет гладко, мы устроим их помолвку.

Чжан Маоцзэ: «...»

Оставалось лишь надеяться, что к тому времени эти два маленьких «божества» не разрушат дворец. Переезжать снова ему совершенно не хотелось.

В маленьком дворе семьи Сы у окна выстроились в ряд детские головки.

Когда Сы Нань, прижав Тан Сюаня к стене, говорил что-то с вызовом, Сяо Му схватил щенка и тоже прижал его к стене, щебеча что-то непонятное. Сразу после этого Сяо Му был схвачен Хуайшу и получил несколько крепких шлепков пониже спины.

Дети с шумом попадали на кан, весело хихикая и наблюдая за происходящим. Они совершенно не понимали, что связывает Сы Наня и Тан Сюаня, считая, что их отношения такие же, как у них самих, — даже более крепкие, чем родственные, основанные на безоговорочном доверии.

Хуайшу понимал.

Ему уже было четырнадцать лет, и, несмотря на юный возраст, он отличался ранней зрелостью. Впервые он увидел мужчину с женщиной еще тогда, в Уюдуне, и это вызвало у него лишь отвращение. Но теперь, когда речь шла о Сы Нане и Тан Сюане, он испытывал только беспокойство.

Однако, как оказалось, даже это беспокойство было напрасным.

Хуайшу полагал, что Тан Сюань притесняет Сы Наня, но и представить не мог, что его собственный брат-учитель оказался той самой сильной стороной!

Настроение Хуайшу было довольно сложным. Когда он снова посмотрел на Тан Сюаня, внутри у него неожиданно зашевелилось нечто похожее на чувство маленького мужчины перед «шиму»*. Теперь он больше не переживал, что его учителя могут увезти прочь, напротив, ощутил крошечное чувство вины.

(ПП: жена учителя)

Испытывая это чувство вины, Хуайшу добровольно взял на себя задачу готовить еду, позволив учителю и «шиму» отдохнуть.

Дети с радостью побежали помогать ему.

Сы Нань развалился в шезлонге, лениво поднял руку, сорвал виноградину и бросил ее в рот.

— Дети подросли, теперь мы с тобой можем насладиться спокойной жизнью... Черт, такая кислая.

Тан Сюань улыбнулся и протянул ему одну из фиолетовых виноградин. Сы Нань открыл рот и, лениво наклонившись к руке Тан Сюаня, съел протянутую ему виноградину.

— Хм, почему твои всегда сладкие? — поинтересовался он, прищурившись.

Тан Сюань, только что услышавший признание в любви, был полностью погружен в сладость момента. Его взгляд источал нежность, а голос, казалось, стал мягче обычного на целых три тона.

— Виноградная лоза знает, для кого я собираю ягоды, — спокойно ответил он, — И не смеет вырастить их кислыми.

Сы Нань, театрально приложив руку к сердцу, будто его только что поразила стрела, воскликнул:

— Не говори больше ничего... поцелуй меня!

Тан Сюань слегка приподнял бровь и медленно наклонил голову, приближаясь к нему. Сы Нань, прищурившись, смотрел на него с хитрым весельем, уголки его губ трепетали в предвкушении.

Когда до их губ оставались считанные сантиметры, Тан Сюань внезапно остановился:

— Ты не собираешься меня остановить?

Сы Нань лукаво усмехнулся:

— Я только и жду, чтобы ты подался чуть ближе, и тогда... одной ладонью отправлю тебя в полет!

Тан Сюань рассмеялся:

— Это совсем не похоже на повадки «главного гуна».

Сы Нань, услышав знакомое выражение, моргнул, будто пытаясь осмыслить услышанное.

— О, точно!

И тут он, словно осознав что-то важное, нахмурился:

— Как же так, я чуть не стал... шоу!

Не годится, не годится!

«Великий всеильный гун» резко вскочил, толкнул Тан Сюаня на лежак, а сам занял его место. Быстро сорвав виноградину, он запихнул ее в рот Тан Сюаня:

— Ну, попробуй, сладкая ли виноградина, которую для тебя сорвал твой муж?

Тан Сюань, с улыбкой прищурившись, заметил:

— А ведь ты ее даже не помыл.

Сы Нань вздохнул с напускной усталостью:

— С тобой столько хлопот...

После чего он «нежно и заботливо» отправился мыть виноград.

Вернувшись, он сорвал еще одну виноградину, тщательно промыл ее и осторожно накормил Тан Сюаня. Затем последовала третья, четвертая...

Тан Сюань, глядя на мельтешащую фигуру Сы Наня, лишь улыбался. Если бы виноград оказался чуть менее кислым, момент был бы почти совершенен. Однако удача явно отвернулась от Сы Наня. Он ухитрился сорвать десяток виноградин, и ни одна из них не оказалась сладкой.

К счастью, его заботливый и нежный образ «великого всеильного гуна» продержался недолго. Если бы он продолжил, зубы Тана Сюаня могли бы не дожить до ужина.

Сы Нань отмахнулся, выставил Тан Сюаня прочь и снова завалился в кресло.

Тан Сюань устроился напротив, сев на круглый табурет.

Сы Нань, похлопав его по руке, усмехнулся:

— Как думаешь, кто пустил слухи про нас? Гляди, словно за одну ночь они разлетелись по всему Кайфэну. Кроме тебя, у кого еще такие широкие связи?

Даже обсуждая серьезные дела, Сы Нань не упустил шанса польстить своему мужчине.

Тан Сюань улыбнулся и произнес имя:

— Бай Е.

Еще когда они ждали в ресторане, Тан Сюань успел отправить людей на разведку. Первоначально слух пошел из «Ман Тин Фана». Даже если Бай Е не был зачинщиком, он определенно был причастен к происходящему.

Сы Нань нахмурил брови:

— Ты ведь говорил, что он наверняка замешан в деле о контрабанде соли. Есть ли хоть какие-то зацепки?

Тан Сюань покачал головой:

— Единственное, что удалось выяснить, — это то, что Чжао Дэ встречался с ним однажды. Больше контактов между ними не было. Бай Е очень осторожен, люди из Императорского столичного управления не могут к нему подобраться.

Сы Нань положил руку на его руку, голос его прозвучал твердо:

— Нужно скорее найти доказательства. Если выяснится, что это он подвел моего отца, я собственными руками разрушу его «Бай Лоу».

— Хорошо, — Тан Сюань похлопал его по руке. — Не торопись.

Рядом другие дети суетились у плиты, но Сяо Цзай и Дун Цзао остались без дела.

Сяо Цзай сейчас находился под особой защитой. Его маленькие руки, помимо чтения и письма, больше ни к чему не прикасались — не по указанию Сы Наня, а по собственному решению детей.

Что до Дун Цзао, то этот малыш с ранних лет обладал природной силой. Раньше из-за слабого здоровья этого не было заметно, но теперь, когда он сыт и одет по погоде, его сила проявилась во всей красе.

До чего же это доходило?

Он толкнул дверь, и та с треском упала. Стоило ему подойти к плите, как это сразу превращалось в катастрофу.

Сяо Цзай, подражая Сы Наню, устроился в кресле-качалке, а Дун Цзао, словно подражая Тан Сюаню, сел напротив него. Сы Нань небрежно положил руку поверх руки Тан Сюаня. А здесь, с другой стороны, Сяо Цзай со своей кругленькой культей тоже обхватил руку Дун Цзао. Даже выражение хитровой улыбки на его лице было копией Сы Наня.

Сы Нань случайно заметил это, и его тут же передернуло. Как он мог забыть, что в доме еще живут несколько маленьких детей школьного возраста?

Осознав всю серьезность ситуации, новоиспеченный отец собрался с духом и провел для детей серьезный урок по основам личной гигиены и безопасности.

— Даже если вы родные братья, вы не должны делать что-либо, выходящее за рамки дозволенного.

— Вот здесь, здесь и здесь — никто не имеет права прикасаться.

— Если кто-то сделает что-то, что вызовет у вас дискомфорт, вы обязаны рассказать мне об этом.

— Запомните, что бы ни случилось, когда бы это ни произошло, я всегда вам поверю и защищу вас.

Дети с недоумением и легкой тревогой кивали маленькими головами.

Сы Нань, заметив испуг в глазах малыша и Дун Цзао, понял, что переусердствовал. Он тут же смягчился, осторожно обняв обоих детей, чтобы они почувствовали его заботу и любовь.

- Я знаю, вы просто баловались, не сержусь. Просто хотел воспользоваться случаем, чтобы кое-что сказать.

Сяо Цзай робко спросил:

— А потом можно будет держать за руку старшего брата-учителя?

— Конечно.

— А брата Хуайшу?

— Можно.

— А брата Дун Цзао?

— Тоже можно. И с остальными тоже можно, главное — понимать разницу между братской привязанностью и чем-то иным.

Сяо Цзай захлопал глазками:

— А что это — «иное»?

Сы Нань покраснел, почувствовав себя неловко, и бросил взгляд на Тан Сюаня.

Тан Сюань спокойно ответил:

— Хорошо учись, потом поймешь.

— О... — Сяо Цзай послушно кивнул и попросил Дун Цзао помочь ему надеть специальные накладки на руку.

Маленький любознательный ученик собрался тренировать каллиграфию.

Дун Цзао крайне осторожно надевал накладки, боясь сдавить слишком сильно. Сяо Цзай, полностью доверяя брату, поднял ручки и ни капли не переживал, что тот может причинить ему боль. Очевидно, братская связь между ними никак не пострадала из-за слов Сы Наня.

Сы Нань с облегчением выдохнул и, отведя Тан Сюаня в комнату, начал шептать:

— В будущем при детях нужно следить за тем, какой пример мы подаем.

Тан Сюань улыбнулся:

— И как именно следить?

— Никаких держаний за руки, никаких объятий, никаких многозначительных взглядов. Короче говоря, точно так же, как ты раньше не знал, что нравишься мне, а я не знал, что понравился тебе.

Тан Сюань обвел его взглядом, задержавшись чуть дольше, чем следовало.

— Ты уверен?

В те времена он почти каждую минуту мечтал сорвать одежду с этого юного, до неприличия соблазнительного парня и заставить его слушаться, покорно и без вопросов. Особенно, когда представлял, как тот делит постель с какой-нибудь девчонкой.

Сы Нань почувствовал, как от его взгляда пробежал холодок по спине.

— Ну, я же просто сказал. Ты понял, и ладно. Ради детей, давай все-таки вести себя прилично, ладно?

Тан Сюань кивнул, соглашаясь.

Сы Нань тяжело вздохнул. Решив вопрос с младшими, теперь ему пришлось задуматься о старших.

— Если кто-то и правда начнет распускать слухи, они вполне могут дойти до ушей самого императора. Если он, не дай бог, спросит, ты только не вздумай ничего признавать, понял?

Тан Сюань нахмурился, нарочно изображая внутреннюю борьбу.

— Я не могу его обманывать.

— Да какое это обман? Ты подумай, он ведь уже не молод. Зачем его зря беспокоить? Считай это актом сыновнего почтения — просто промолчать, хорошо?

Тан Сюань опустил взгляд, выражая явное недовольство. Сы Нань мягко принялся его уговаривать, стараясь не раздражать.

Тан Сюань, вместо ответа, указал на свою щеку.

Сы Нань рассмеялся.

— Ха, глянь на себя! Решил со мной тягаться? Это вообще-то привилегия «главного гуна», понятно?

Тан Сюань придвинулся ближе.

— Непонятно. Научи.

Сы Нань лениво ущипнул его за щеку.

— Никаких поцелуев. Только щипки.

Тан Сюань склонил голову и легонько прижался только что ущипнутой щекой к губам Сы Наня.

Сы Нань внутренне погиб.

Этот мужчина!

Этот мужчина!

Если бы он не был ответственным и хорошим гуном, он бы уже давно перестал себя контролировать!

<http://bllate.org/book/13604/1206382>